

IN MEMORIAM

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.j7vm-bw68

EDN: ХКЕРОГ

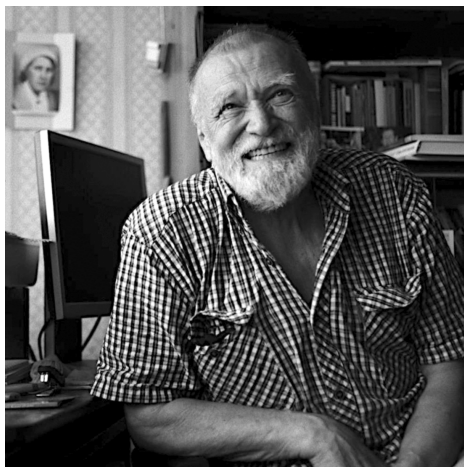
УДК 316(092)

БОРИС ЗУСМАНОВИЧ ДОКТОРОВ

Независимый исследователь

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ И ДРУГА ОЛЕГА БОРИСОВИЧА БОЖКОВА

Ссылка для цитирования: Докторов Б. З. Памяти коллеги и друга Олега Борисовича Божкова // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 112–119. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.j7vm-bw68; EDN: ХКЕРОГ

27 января 2026 г. петербургские социологи простились с Олегом Борисовичем Божковым (1941–2026). Пусть и мое слово из-за океана прозвучит. Однако оно имеет не только особое пространственное

расположение, но и временное происхождение. Это моя рецензия на книгу О. Б. Божкова «Социология: ориентир — классика» с подзаголовком «Предварительные итоги» (СПб.: Эйдос, 2014).

Я начал работу над этим текстом 11 января 2026 г., думая время от времени консультироваться с О. Б. Божковым, давнее письмо к которому является основой моих рассуждений. Но 12 января пришло печальное сообщение о том, что 10 января его не стало. Приостановил работу и написал для Facebook¹ небольшой некролог.

10 января не стало Олега Борисовича Божкова — яркого, заметного представителя ленинградской социологической школы, уверенно можно сказать — одного из последних. Он давно пришел в социологию и не просто многое впитал от отцов-основателей, но внес в нашу общину свою особую краску. Он многое знал, легко делился знаниями, много опубликовал, с радостью занимался со студентами.

С Олегом я работал многие годы в социологических институтах АН СССР / РАН, в легендарной группе «Социология и театр», и я видел, как много он сделал в последние годы в разных направлениях социологии.

В феврале 1968 г. Андрей Григорьевич Здравомыслов пригласил меня в социологическую группу Ленинградской высшей партийной школы, по-моему, одновременно он руководил небольшим социологическим коллективом в Институте социологии АН СССР, и, наверное, в том же году у него дома я познакомился с Олегом. У него уже был немалый опыт проведения социологических исследований.

Выйдя от Здравомыслова, мы зашли в пирожковую на углу Суворовского проспекта и Одесской улицы. Проговорили час, и наша дружба началась... Очень грустно, тяжело...

Теперь перехожу к тому, что было задумано исходно.

Совсем недавно, 6 января наступившего 2026 г., был написан рассказ «Первая четверть XXI в. Долгая дорога на Проза.ру»², это попытка анализа моего движения к этому portalу. Для меня это означало, во-первых, смену исследовательской ниши и, во-вторых, поиск новой тематики и риторики. Предстояло отойти от истории науки (социологии) к автоэтнографии — синтезу социологии и литературы. Не то что обжитое научное пространство предъявляло ко мне невыполнимые требования, я чувствовал (и чувствую) себя в нем вполне комфортно, но возникло желание к изучению чего-то иного и иначе.

¹ Социальная сеть запрещена в России.

² Докторов Б. Первая четверть XXI в. Долгая дорога на Проза.ру // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/2026/01/06/340> (дата обращения: 30.04.2026).

Сейчас видно, что рассмотрение «долгой дороги» не завершено, необходимо дальнейшее рассмотрение и пути, которым я шел на proza.ru, и характера пребывания здесь. Обнаруженное в моем архиве семилетней давности мое письмо коллеге и другу — петербургскому социологу Олегу Борисовичу Божкову — свидетельствует о том, что многие вопросы, актуальные для меня сейчас, имеют достаточно продолжительную историю. Привожу это письмо с моими комментариями.

25 декабря 2018 г.

«Олег, наверное, уже около года я не провожу новых биографических интервью¹, их много, предостаточно для анализа. И я потихоньку этим занимаюсь. Уже несколько лет на практике осваиваю новый жанр — книга-интервью². Ничего особенного, просто интервью такого размера, что становятся самостоятельными книгами. В этом году вышло три такие книги: интервью с московским социологом Леонтием Бызовым (помоложе нас) и представителями нашего поколения: Равиль Насибуллин (Уфа) и Гарольд Зборовский (Екатеринбург). Как и обычно, объем — не просто механическая (внешняя) характеристика, но во многом — сущностная (ведет к расширению и углублению содержания).

[...] Интервью как было, так и будет мощным инструментом исторического, социального поиска».

«Привлекает меня — уже давно — и другая тема — написание биографий наших коллег. Это я начал делать, когда был жив Валерий Голофаст, с ним были первые обсуждения и темы, и методологии. Но я не думал, что так плотно и так надолго войду в эту тему. Постепенно сформировался метод (скорее — привычка) мысленного диалога с героем биографии. Как правило, этот диалог настолько интимен, что сложно писать и сложно выходить из этого общения. На памяти — мысленный диалог с Татьяной Ивановной Заславской (она была удивительной женщиной, с очень сложной судьбой, многое из известного мне с ее слов я не имею права рассказывать), после окончания работы над ее биографией я долго не мог начать новый “разговор”... Я никак не могу освободиться от внутренних (мысленных) бесед с Грушиным и Ядовым... нет, это не наваждение, но потребность. Недавно умер Андрей Алексеев — для меня это огромная потеря. Последние годы мы постоянно были на связи, многое из написанного я отправлял ему моим вечером, а моим утром уже

¹ В 2019 г. я все же продолжил интервьюирование российских коллег и окончательно завершил этот процесс в 2020 г.

² В целом вышло около дюжины таких книг.

читал в его колонке на сайте Когита.ру. Эта опция пропала, но я создал новый подход, пишу относительно небольшие тексты (до 10 000 знаков) и размещаю их на фейсбуке³. Это дает мне читателей, обратную связь и позволяет накапливать материалы для статей. Пока журналы меня публикуют, не жалею. А летом вышла моя новая книга “Нескончаемые беседы с классиками и современниками”. Это — коллекция ранее написанных биографических статей о трех “классиках”, американцы: Гэллап, Кэнтрил и Огилви⁴, и российских социологах — наших современниках: Алексеев, Батыгин, Грушин, Голофаст, Заславская, Левада и Ядов⁵. Со всеми я работал, долгие годы поддерживал дружеские отношения. Для меня — это грустная книга, но я рад, что она родилась (если интересно, пришлю электронный вариант)».

«Я так подробно описал то, что делаю, чтобы было яснее то, что я хочу сделать, и буду благодарен тебе, если у тебя возникнут вопросы, критические сомнения.

Моя жизнь, включающая эмиграцию, отход от всякой науки и возвращение в социологию, масса публикаций в этом веке, породили то, что я стал интересен для биографических интервью. Сначала была беседа с Натальей Мазлумяновой⁶, на момент беседы я ее не знал и не видел, потом мы шибко подружились, она была редактором четырех моих книг. К сожалению, несколько лет назад ее не стало... потом меня “допрашивали” Фирсов и Ядов... в 2016 г. у меня было большое интервью с (наверное, ты ее знаешь) Еленой Рождественской. Конечно, втянувшись в этот процесс, я и сам написал несколько автобиографических эссе: об обучении на матмехе, о работе с одним известным психиатром, наконец, “6000 другой жизни” — о первых (тяжелейших) годах американской жизни. Но я на все это не смотрел как на предмет направленных размышлений. Писал, отвечал да и только.

Но после смерти Андрея я задумался о смысле его утверждения: “Собственная жизнь может быть полем включенного наблюдения”. Может — это хорошо, но могут ли результаты этих наблюдений “озвучиваться” (не люблю этого слова)? Кому это интересно? Как не скатиться

³ Социальная сеть запрещена в России.

⁴ Джордж Гэллап, Хедли Кэнтрил и Давид Огилви — американские классики изучения общественного мнения и создания эффективной рекламы.

⁵ Алексеев Андрей Николаевич, Батыгин Геннадий Семенович, Голофаст Валерий Борисович, Заславская Татьяна Ивановна, Левада Юрий Александрович, Ядов Владимир Александрович — российские социологи, с которыми я работал многие годы.

⁶ Наталия Яковлевна Мазлумянова — социолог, кандидат социологических наук, переводчик, редактор.

к самокопанию и графоманству? Каким языком все это писать? Где граница между наукой (социологией) и литературой? Еще Валерий Голофастр писал мне “ты работаешь на границе науки и литературы” и призывал действовать смело. Я и действую смело, но стараюсь удержаться в социологии».

«Но, возможно, пару лет назад я пришел к пониманию того, что социологическое творчество (творчество социологов) биографично, то многое из того, что и как мы делаем, детерминировано нашим биографическим опытом. Не бог весть какой глубины мысль, для творчества поэтов, композиторов, художников — это известно и давно изучается. Как не напомнить: “Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...” Применительно к социологии это положение не рассматривалось... но, когда я писал книги о Гэллапе, Грушине, Ядове, историке науке Борисе Кузнецове, я это видел. И когда я анализирую интервью-книги (см. выше), я это чувствую и вижу...

Короче, как и Андрей, я принцип самонаблюдения спроецировал на себя. Это очень сложно, идешь как по углям... ступать или нет? Надо ли? Можно ли? Андрей сделал поле возможного очень широким, он не страшился писать об очень многом. Но он долго к этому шел... еще с работы на заводе, с “Писем любимым женщинам”. У меня на такого “долго” нет временного запаса. Но я понимаю, что идти надо, иначе многое в природе авто(биографического) анализа остается сокрытым, не обнаруженным. И потом, у Андрея был архив за всю его жизнь. Ты знаешь, сколько времени Зина и Володя Костюшев¹ разбирали все и делали первичную опись. Гигантская работа, у меня нет такого архива, правда, есть серия “амбарных книг” с 1985 г. Возможно, ты помнишь, я на всех семинарах писал, и вообще многое из жизни в России и США записывал. Моя работа над биографиями других обострила и собственную память, в ней — масса событий, лиц, имен.

Я исхожу из того, что, если биографична МОЯ работа в социологии, то в той или иной мере она биографична и у ДРУГИХ. Я не могу просить кого-либо проследить свою жизнь, к тому же это и не всем должно быть интересно. Потому делаю сам».

«И, ты знаешь, относительно недавно я пришел к пониманию того, что автобиографию НЕДОСТАТОЧНО излагать “линейно”, т. е. строго в хронологическом измерении. Наша жизнь много богаче, она не растягивается одномерно на оси времени, она — не вектор, она — кривая

¹ Зинаида Глебовна Вахарловская — жена Андрея Николаевича Алексева, Владимир Владимирович Костюшев — социолог, друг Андрея Николаевича Алексева.

с петлями, иногда она — набор, “пучок” векторов. Нельзя нечто рассматривать как продолжение лишь недавно завершившегося, как бы новое в нашей жизни — это не новое, а развитие чего-то, случившегося в детстве, юности, молодости. И когда я намереваюсь о чем-то пережить, сделанном писать, сознание уносит — опять и опять — в далекое прошлое. Получается такая “нелинейность”.

Что ты думаешь об этом? Это так? Или не совсем так? Или совсем не так?

Я публикую очень много, но вот — последнее эссе, вчерашнее, о встрече с графом Калиостро². В нем нет явно того, о чем я написал, но оно присутствует в каждой строчке. Ты это поймешь.

Самолучшего, Боря».

Здесь заканчивается это весьма значимое для меня письмо О. Б. Божкову, в нем предпринималась попытка рассмотреть сделанное в предыдущие годы и заглянуть в будущее. Через два с половиной года я завел страницу на портале Проза.ру³ и стал реализовывать свои планы.

Посмотрел архив электронной переписки, приближавшийся Новый год, пред- и послепраздничная суeta помешали Божкову ответить на это письмо, но и я не особо настаивал.

Книга О. Б. Божкова интересна и полезна многим.

Я очень рад книге Олега Борисовича Божкова и от души поздравляю его с этой работой. Если попытаться кратко сказать, что найдет в ней заинтересованный читатель, то ответ будет таким: «автопортрет автора» на фоне длительного периода развития отечественной социологии. Мы знакомы с Божковым очень давно, и я не только знаю содержание большинства текстов, представленных в книге, но и людей, о которых он пишет, и знаю затекстовую реальность, которая анализировалась им начиная с 1970-х и до наших дней. Биографическое интервью, которое мне дал Божков три года назад и которое вошло в книгу, называется «Каким я был, таким остался». Он и в этой книге остался самим собой и тем самым определил ведущую цветовую тональность своего мозаичного повествования. Речь идет о его полной включенности в дело, которому он — скажу «громко» — беззаветно служит. Более того, он буквально растворен в нем.

² Пост «Рождественская встреча с графом Калиостро. Документально-фантастическая история» был размещен в Facebook (социальная сеть запрещена в России) 23 декабря 2018 г.

³ Докторов Б. Борис Докторов: страница автора // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/avtor/bdbd80> (дата обращения: 30.04.2026).

Я несколько насторожился, когда в названии книги увидел слово «классика»; оно ко многому обязывает. Но ознакомившись с содержанием работы, принял это слово, правда, возможно, в своей собственной интерпретации. Раздел «От автора» начинается словами: «В социологию я плавно перешел из журналистики в самый пик застоя». Это верно в смысле оценки состояния социально-политической атмосферы в СССР (правда, начало 70-х, все же не самый пик застоя), но это лишь одна характеристика того времени. Есть и другие. Так, если иметь в виду процесс становления и развития послевоенной советской / российской социологии, то здесь более оправданно говорить о том, что Божков вошел в нее в «классический период». Мы жили и работали в Ленинграде, были частью «ленинградской социологической школы», наши учителя, под непосредственным руководством которых работал Божков: А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан и В. А. Ядов были молоды, лишь разменяли пятый десяток. Они переживали заслуженный успех своих теоретико-эмпирических проектов, были «заряжены» на борьбу с идеологическими консерваторами за признание социологии самостоятельной наукой и еще верили в возможность усовершенствования советской модели социализма.

С тех пор многое произошло в стране, в социологии, в социологическом сообществе. Удивительно, но в содержании текстов Божкова, в их упорядоченности достаточно зримо представлены произошедшие изменения. И это свидетельствует об одном — Божков, при всей многообразии его исследовательской, преподавательской и гражданской деятельности, всегда оставался в поле актуальных событий. Он с полным правом говорит: «История советской социологии — это часть нашей жизни».

Первая часть подзаголовка книги: «ориентир — классика», в моем понимании, это обращение автора к новым действующим поколениям российских социологов и к тем, которые еще придут; он их ориентирует на постхрущевскую социологическую классику. В силу легко объяснимых обстоятельств в постперестроечные годы отечественных специалистов стала привлекать дореволюционная отечественная социология, но нашему сообществу своевременно не пришло понимание необходимости фиксации, описания и анализа происходившего в нашей науке в 60–80-е годы. И то, что в этом плане несложно было сделать в первые постперестроечные годы, то теперь представляется крайне сложным, если в принципе возможным. Во-многом это объясняется сменой ведущих парадигм отечественной социологии, принципиальными изменениями в системе ее понятий, в ее языке.

Значение работы Божкова заключается, в частности, в том, что он предложил и препарировал ряд «кейсов», которые могут войти в нашу

историографию и стать ценнейшим материалом для учебников по социологии 70–80-х гг. Таким образом я понимаю слова «ориентир — классика». И еще. Книга Божкова — и в этом ее огромное достоинство — дает нам яркую иллюстрацию того научного языка, на котором мы писали и на котором говорили в те «классические времена».

Многое для понимания духа книги и времени, о котором в ней говорится, несет в себе фотография на ее обложке. Молод В. А. Ядов, стоящий в центре третьего ряда, молод находящийся слева от него Божков. Все молоды, и уверен, никто из них не готовился, не настраивался писать книгу с подзаголовком: «Предварительные итоги». Но годы прошли. И следует благодарить Олега Божкова за то, что он поделился накопленным опытом, увязал современное со ставшим классикой. Это будет интересно и полезно многим.

От редакции: Б. З. Докторов упоминает фотографию, сделанную в 1979 г., на которой запечатлен сектор «Социология образа жизни» под руководством В. А. Ядова в структуре ИСЭП АН СССР, основанного в Ленинграде в 1975 г. Назовем участников фотографии (слева направо): нижний ряд — В. С. Магун, Л. В. Бозрикова; средний ряд — В. Б. Голофаст, Т. З. Протасенко, Г. И. Саганенко, Л. Е. Кесельман; верхний ряд — С. И. Голод, О. Б. Божков, В. А. Ядов, Е. В. Игнатьева, В. Н. Каюрова. Первая публикация этой фотографии — обложка книги О. Б. Божкова (2014 г.).

Сведения об авторе

Докторов Борис Зусманович, доктор философских наук,
профессор, независимый исследователь,
bdoktorov@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 01.04.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 18.04.2026;
принята к публикации: 30.04.2026.

BORIS Z. DOCTOROV

Independent Researcher

**IN MEMORY OF COLLEAGUE AND FRIEND
OLEG BORISOVICH BOZHKO**

For citation: Doktorov B. Z. In memory of colleague and friend Oleg Borisovich Bozhkov. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18. No. 2. P. 112–119. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.j7vm-bw68; EDN: XKEPOG

Information about the author

Doktorov Boris Z., Doctor of Philosophy, Professor,
Independent Researcher, bdoktorov@inbox.ru

Received: 01.04.2026;
revised after review: 18.04.2026;
accepted for publication: 30.04.2026.